

Надежда ОСЬМИНИНА

Уходящий год был ознаменован 125-летием Марины Цветаевой.
Год грядущий откроет 230-летие лорда Джорджа Гордона Байрона

Цветаева, Байрон, любовь...

Два бунтаря. Два великих поэта-романтика, разделённые веком и объединённые словом, в котором пламенели чувства и героизировал разум. Могла ли Цветаева пройти мимо Байрона, не соприкоснувшись с его космосом? Нет, не могла. И не только потому, что русская литература XIX века была пропитана романтизмом Чайльд-Гарольда, Дон Жуана, лирикой «славы предков» и любви. А потому ещё, что у английского поэта-лорда была судьба. Судьба возвышенная и трагическая, родственная Цветаевой, почти свято верившей с детства в то, что кроме неё глубоко понять Байрона не сможет никто.

В одном из ранних стихотворений она обращается к нему с просьбой: «Прости поклоннику, поэт!». Что поэт должен простить? Конечно, не книгу стихов, которую отбросил его гордый поклонник, вдруг пленённый Амуром. А непонимание, предпочтение мирскому, нежелание узнать судьбу поэта и его таинственное слово. «Я тайна, а тайному верь!» — написав эти строки в семнадцать лет, Цветаева будет искать «тайное» в Байроне, посвящать ему стихи и создавать своего «Дон Жуана» до тех пор, пока в ней будут кипеть романтические страсти. Но только в нескольких стихотворениях она позволит себе открыто назвать его имя, оберегая «тайное» от читателя и критики, чтобы никто не догадался, насколько она приблизилась к себе Байрона, проникла в его стихи и судьбу чуть ли не с колыбели.

Цветаева писала Василию Розанову: «Для меня каждый поэт — умерший или живой — действующее лицо в моей жизни. Я не делаю никакой разницы между книгой и человеком, закатом и картиной. Всё, что люблю, люблю одной любовью». Однако Байрон не стал «действующим лицом» её любви. Он стал её главным героем.

Максимilian Волошин, Василий Розанов, Валерий Брюсов. Именно эти имена литературоведы называют «оказавшими влияние» на творчество Цветаевой. А Байрона не замечают. Неужели потому, что Цветаева писала литературным мэтрам письма и лично дружила, а влияние на своё творчество английского поэта-лорда скрывала? Но как бы там ни было, а свои поэтические часы юная Цветаева сверяла именно по Байрону, ставшему её проводником в поэзию.

Несмотря на общую жизнерадостность ранних её стихов, так же, как и у юного Байрона, «над всем приближение ночи» и теней. Так же, как он, общается она с любимыми через сны: «Но неизменной, как грусть, остаётся связь через сны» (М.Ц.) — «Проститься нелегко со снами, где жил я девственной душой» (Дж.Б.). Так же, как он, расстаётся с детством, из которого оба выходят возрастом, но не чувствами: «О детства картины! С любовью и мукой...», — пишет Байрон, прощаясь с «обителью отцов» Ньюстедом, и Цветаева вторит ему, прощаясь со «сказочным» Шварцвальдом или с «раем детского житья». Даже географически юная Цветаева оказывается в тех местах, где когда-то побывал Байрон — Швейцария, Италия. А другие, хрестоматийные его путешествия, она вообще цитирует в названиях своих стихов: «Первое путешествие», «Второе путешествие».

И совсем не случайно свою первую книгу «Вечерний альбом» Цветаева издаёт в восемнадцать лет, как и Байрон, — тоже первую, и тоже в восемнадцать — «Летучие наброски». Она следует за ним, за своим кумиром буквально по пятам: посвящает стихи дочери, как он посвящал сыну, любит так же пылко и страстно, как

любил он. А бесконечная всеобщая мода на поэзию английского лорда её только травмирует — ведь Байрон принадлежит ей и только ей, но об этом никто не должен знать, как и о том, что она уже нашла своё место среди поэтов — рядом с лордом. И лишь в двадцать один год, когда Цветаева поймёт, что уже признана литературными мэтрами, она посвятит ему стихи, слегка приоткрыв свою тайну. И не просто посвятит: через два года стихи «Байрону» станут первыми её стихами, опубликованными в журнальной периодике («Северные цветы»), особо памятными и дорогими.

Я думаю об утре Вашей славы,
Об утре Ваших дней,
Когда очнулись демоном от сна Вы
И богом для людей.

Я думаю о том, как Ваши брови
Сошлись над факелами Ваших глаз,
О том, как лава древней крови
По Вашим жилам разлилась.

Я думаю о пальцах, очень длинных,
В волнистых волосах,
И обо всех — в аллеях и в гостиных —
Вас жаждущих глазах.

И о сердцах, которых —
слишком юный —
Вы не имели времени прочесть,
В те времена, когда всходили луны
И гасли в Вашу честь.

Я думаю о полутёмной зале,
О бархате, склонённом к кружевам,
О всех стихах, какие бы сказали
Вы — мне, я — Вам.

Я думаю ещё о горсти пыли,
Оставшейся от Ваших губ и глаз...
О всех глазах, которые в могиле.
О них и нас.

Стихи открытой поэтики. Без тайны, на первый взгляд. И всё-таки, тайна есть.

10 июля 1914 года Цветаева пишет письмо Петру Эфрону, в котором признаётся: «Вчера, возвращаясь от Вас в трамвае, я всё повторяла стихи Байрону, где каждое слово — Вам». Что это значит? Неужели эти стихи посвящены не только Байрону, но и родному брату её мужа?

Они познакомились в августе или сентябре 1913 года (стихи «Байрону» датированы 24 сентября). Пётр был старше брата Сергея на десять лет. Он только что вернулся из-за границы, вернулся одиноким и смертельно больным туберкулёзом. Что было известно о нём Цветаевой и вообще о семье мужа? На этот вопрос красноречиво отвечает фрагмент её письма к Л.П. Берии, написанного в 1939 году: «Детство Сергея Эфрона проходит в революционном доме среди непрерывных обысков и арестов. Почти вся семья сидит: мать — в Петропавловской крепости, старшие дети Пётр, Анна, Елизавета и Вера Эфрон — по разным тюрьмам. У старшего сына Петра два побега. Ему грозит смертная казнь, и он эмигрирует».

И вот Пётр возвращается из эмиграции. Увидев его обострённые болезнью тонкие черты лица, высокий лоб и большие глаза, Цветаева сразу же влюбляется в романтического героя. Её не останавливают ни чувства мужа, ни возможное недоумение самого Петра, на которого потоками выливаются её чувства. Она влюбляется так, словно, наконец, увидела перед собой живого Байрона. Поэт-лорд отдал свою жизнь за независимость Греции, герой-революционер Пётр Эфрон на её глазах умирал от туберкулёза. Цветаева навещает его в больнице и пишет, пишет пронзительные письма и стихи: «Я ушла в 7 часов вечера, а сейчас 11 утра, — и всё думаю о Вас, всё повторяю Ваше нежное имя. (Пусть Пётр — камень, для меня Вы — Петенька!) Откуда эта нежность — не знаю, но знаю — куда: в вечность!.. Слушайте, моя любовь легка. Вам не будет ни больно, ни скучно. Я вся целиком во всём, что люблю... Я любовь узнаю по безысходной грусти...». А дальше — уже почти детские строки, словно вырванные из давних снов-бесед с юным Байроном: «Вы для меня прелестный мальчик, о котором — сколько бы мы ни говорили — я всё-таки ничего не знаю, кроме того, что я его люблю».

В очередном письме к Петру Цветаева описывает болезнь его брата, своего мужа Сергея: «Мальчик мой ненаглядный! Серёжа мечется на постели, кусает губы, стонет. Я смотрю на его длинное, нежное, страдальческое лицо и всё понимаю: любовь к нему и любовь к Вам. Мальчики!

Вот в чём моя любовь... Петенька, даю Вам свою душу, беру Вашу, верю в их бессмертие... Если бы не Серёжа и Аля (дочь — Прим. автора), за которых я перед Богом отвечаю, я с радостью умерла бы за Вас, за то, чтобы Вы сразу выздоровели».

15 июля Цветаева пишет стихи «Его дочке» — дочери Петра, которая умерла малюткой. А через несколько дней Россия вступает в Первую мировую войну. Потрясённый Сергей Эфрон сразу решает идти в армию низшим чином, о чём сообщает Цветаевой. Возможно, просто хочет бежать на фронт от экзальтированных чувств жены к своему брату. Пётр Эфрон умирает в больнице 28 июля. Похоронив его, Сергей немедленно отправляется добровольцем. А что Цветаева? Она продолжит писать пронзительные стихи, посвящённые мужу и его брату.

«В её поэзии — дух мужчины и душа женщины», — сказал однажды о Цветаевой поэт Евгений Винокуров. Действительно, корневая система её творчества питалась соками библейского начала — мужского и женского. Их разделение она считала катастрофой, воспринимая мир в навеки слившемся единстве первородного греха и абсолютной победы над грехом. Победителем этой битвы Цветаева назвала Любовь: «Молитесь, женщины, за душу / Самой Любви». И в этом она была солидарна с Байроном: «Перед твоими алтарями, Любовь, я дал обет», — чьё мужское начало впитала в себя настолько, насколько это возможно, чтобы остаться в поэзии самой собой. Но, уходя от Байрона, обретая свою поэтическую индивидуальность, она так и не сможет уйти от него в личной жизни и будет продолжать строить её буквально по его формуле: «Друзья! душою благородной / И жизнью — с вами я! / Мы все в одной любви свободной — / Единая семья!». Понимание этого и позволило разгадать сразу две загадки, две «тайны» ранней Цветаевой — поэтическую и личную, с трагичной линией дружбы-любви одновременно к двум братьям. А к Байрону-лорду она ещё вернётся в своих стихах и очень скоро, в 1915 году. Вернётся, чтобы по-женски кокетливо обидеться и попрощаться.

Лорд Байрон! — Вы меня забыли!
Лорд Байрон! — Вам меня не жаль?
На..... плечи шаль
Накидывали мне — не Вы ли?
И кудри — жёсткие от пыли —
Разглаживала Вам — не я ль?

Чьи арфы..... аккорды
Над озером, — скажите, сэр! —
Вас усмиряли, Кондотьер?
И моего коня, — о, гордый!
Не Вы ли целовали в морду,
Десятилетний лорд и пэр!

Кто, плача, пробовал о гладкий
Свой ноготь, ровный как миндаль,
Кинжала дедовского сталь?
Кто целовал мою перчатку?
— Лорд Байрон! — Вам меня не жаль?

Первая мировая война засасывала Россию всё глубже и беспощаднее, и рядом с Цветаевой всё меньше оставалась тех, кто целовал её перчатку. Угасала литературная любовь к Байрону, ночь приводила другие сны, реальность становилась всё безжалостнее и трагичнее — рождались другие стихи.